

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГОДОВ В ЖИВОПИСИ И ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ВЕРЕЩАГИНА

Е. М. Муминова

Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета

Поступила в редакцию 31 мая 2016 г.

Аннотация: статья посвящена отражению русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в живописи и литературном творчестве В. В. Верещагина; анализируются батальная живопись художника и его литературные произведения.

Ключевые слова: В. В. Верещагин, русско-турецкая война 1877–1878 гг., батальная живопись В. В. Верещагина, Верещагин-литератор.

Abstract: the article is devoted to reflection of Russo-Turkish war 1877–1878 in the pictures and literature of V. Vereshchagin, analysed the battle painting of the artist and his literary work.

Key words: V. Vereshchagin, Russo-Turkish war 1877–1878, Vereshchagin's battle painting, Vereshchagin as a man of letters.

Василий Васильевич Верещагин был многогранной личностью: он занимает особое место в российской истории, его живопись – крупнейшее явление русского искусства, но он прославился еще и литературным творчеством. Судьба даровала ему талантливо творить и кистью, и пером. Его успехи в живописи и литературном творчестве заслуживали высокую оценку знавших его людей.

Выдающийся русский художник И. Е. Репин дал исчерпывающую характеристику В. В. Верещагину: «Верещагин – в высокой степени грандиозное явление в нашей жизни. Это государственный ум, он гражданин-деятель. И как гения, как сверхчеловека его невозможно всецело отнести к какой-нибудь определенной специальности» [1, с. 20]. Старший современник В. В. Верещагина, немецкий художник А. Менцель, отмечая талант Василия Васильевича, указывал: «Der kann alles» («Этот может все») [2, с. 25].

Яркая личность, неординарный человек, Василий Васильевич Верещагин «считал себя обязанным познать мир во всех проявлениях. Постигать, прикоснувшись, изучив на месте, не доверяя свидетельствам третьих лиц» [1, с. 20]. Получив известие о начале русско-турецкой войны, весной 1877 г. он направляется в действующую армию. Верещагиным движет потребность иметь объективную информацию о начавшейся войне: «Я захотел видеть большую войну и представить ее потом на полотне не такую, какою она по традиции представляется, а такую, каковая она есть в действительности. ...Выполнить цель, которую

я задался, а именно дать обществу картины настоящей, неподдельной войны, нельзя, глядя на сражение из прекрасного далека, а нужно самому все прочувствовать и проделать, участвовать в атаках, штурмах, победах, поражениях, испытать голод, холод, болезнь, раны. Нужно не бояться жертвовать своею кровью, своим мясом – иначе картины мои будут "не то..."» [3, с. 9].

Василию Васильевичу «предложено было состоять при особе главнокомандующего» [4, с. 25]. Такое положение давало ему возможность и право свободно передвигаться по боевым частям, но при этом на казенное содержание ему рассчитывать не приходилось.

В. В. Верещагин не являлся пассивным наблюдателем хода войны. Он прошел с Дунайской армией весь ее трудный путь, принимал участие в боевых действиях. В начале июля 1877 г. на Дунае в атаке на турецкий пароход Верещагин, находившийся на миноносце «Шутка», получает тяжелое ранение. Более двух месяцев он находился в госпитале.

После излечения, прибыв в действующую армию, Василий Васильевич стал свидетелем третьего штурма Плевны. Он посещает воинские части, расположенные на Шипке, с войсками генерала Скобелева переходит Балканы, принимает участие в бою за Шейново, который стал эпилогом войны.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. нашла особое отображение в творчестве В. В. Верещагина. «Триединый подход Верещагина к показу и оценке этой войны нашел отражение и в прозе, и в живописи, и в письмах». Находясь в составе действующей армии, он, обладая талантом писателя, делает записи,

которые впоследствии легли в основу его главного литературного творения под названием «Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 года», изданного в 1902 г. В. В. Верещагин замечает то, что не бросалось в глаза многим из его современников, находящихся в войсках. Это и позволило ему создать редкое «по своим художественным и историческим достоинствам» [там же, с. 5] произведение. Реализм, правдивость, объективность Верещагина беспощадны. Способность видеть «глубокий трагизм войны как узаконенного массового убийства» [там же] у Верещагина соседствует с «несгибаемой верой в Отечество» [там же], ответственностью и болью за Россию, гордостью за «рядовых солдат и офицеров, верой и правдой служивших» [там же] Родине.

Без внимания не следует оставить и такую работу Верещагина, как «Очерки, наброски, воспоминания», опубликованную в 1883 г. Эта книга была переведена на несколько языков, а русский вариант, по свидетельству самого автора, был «наполовину урезан цензурой» [1, с. 12]. Это было связано в первую очередь с тем, что Верещагин с предельной правдой в очерке «Дунай. 1877» передает неприкрашенную картину начала русско-турецкой войны с ее суровыми буднями, трудностями и жертвами.

Высокохудожественное произведение Верещагина – повесть «Литератор» – вышла в 1894 г. В тот же год работа издается за рубежом на немецком языке под названием «Der Kriegscorrespondent» («Военный корреспондент»). Главный герой повести, военный корреспондент Сергей Верховцев, напоминает и самого художника Василия Верещагина, и его младшего брата Сергея, погибшего при третьем штурме Плевны. Отношение главного героя к объективной реальности, к войне такое же, как и Верещагина. И не случайно художник вкладывает в уста своего главного героя рассуждения «о судьбе своего творчества» [2, с. 159]: «Тенденция, тенденция. Злой умысел! Это вредный человек!» – не затруднятся и не постыдятся изречь... В России выворачивали на изнанку самого человека, допытывались его тайных помыслов побуждений. Критика граничила с ненавистью, сыском, доносом» [1, с. 78].

Сам Василий Верещагин неоднократно подвергался критике «со стороны поверхностно мыслящих людей» [4, с. 5], считавших его работы антипатриотичными. В письме В. В. Стасову художник по этому поводу писал: «Злоба и мнения представителей самого яркого консерватизма показывают, что я стою на здоровой, нелицемерной дороге, которая поймется и оценится в России» [5, с. 102].

Большой интерес представляет работа В. Верещагина «На войне в Азии и в Европе», вышедшая в 1894 г. Эта книга позволяет проследить процесс эволюции художника в восприятии войны: «Увлекаясь

первоначально войной лишь как возможностью видеть "большие человеческие страсти" и участвовать в них, он превращается в человека, осознающего "обыденные мерзости" войны, начинает бороться с ними» [2, с. 160]. Высокую оценку рукописи этой книги дал Л. Н. Толстой: «Это именно тот художественный историк войны, которого не было – поэтический и правдивый. Очень бы желал, чтобы книга эта была напечатана» [6, с. 26].

Эпистолярное наследие В. В. Верещагина, относящееся к периоду русско-турецкой войны 1877–1878 гг., – это оценка войны как человеческой трагедии. Он демонстрирует себя противником войны. В письме к П. М. Третьякову Василий Васильевич отмечает: «Передо мною, как перед художником, война, и ее я бью, сколько у меня есть сил; сильны ли, действительны ли мои удары – это другой вопрос, вопрос моего таланта, но я бью с размаха и без пощады» [5, с. 97]. Обращаясь к В. В. Стасову, он пишет: «В особенности после последней кампании передо мною ясно, во всеоружии (говоря именно) стоит ужасный призрак войны, с которым при всем моем желании схватиться я боюсь не совладать, к которому, прямо сказать, не знаю, как подступиться, с которой стороны его подрывать, укусить, ужалить» [там же, с. 84].

Находясь в рядах действующей армии с самого начала войны, В. В. Верещагин не является безучастным созерцателем ее хода. Он изучает войну. Его оценки метки и суровы: «Мы начали войну с Турцией прямо с ничтожными силами на обоих театрах войны наполовину из самонадеянности, презрения к неприятелю, наполовину из боязни испугать общественное мнение Европы, и так уже настроенной за Турцию против нас» [4, с. 84]. Именно данное обстоятельство привело к тому, что наши первоначальные успехи вскоре сменились неудачами. Турки очень быстро определили слабые места нашей армии, и война приняла затяжной характер. Российская армия несла серьезные потери, терпела неудачи.

От Верещагина не ускользает ни одна проблема, с которой пришлось столкнуться российской армии в ходе боевых действий. Он обращает внимание на бытовавшую в войсках, особенно среди высшего командования, идею непобедимости нашей армии. Как подтвердили дальнейшие события, «такая оценка была следствием необоснованной самоуверенности и плохого понимания истинной обстановки» [7, с. 90]. Ряд военачальников, зараженные шапкозакладательскими настроениями и несерьезным отношением к противнику, вносили дезорганизацию в управление войсками и планирование боевых операций. «В связи с этим последовавшие с середины июля 1877 г. неудачи русских войск были не случайны, а закономерно вытекали из плохой организации фронта и тыла и неумения воевать» [там же, с. 92].

В. В. Верещагин указывает на угрожающую «негодность штаба Дунайской армии» [там же, с. 91]. Он отмечает безответственное отношение к исполнению служебных обязанностей офицеров «Генерального штаба с полевым начальником...» [4, с. 104]. Проницательность Верещагина подтверждалась неудовлетворительными оценками состояния дел действующей армии со стороны российского общества. Об этом свидетельствует содержание письма, направленного Н. П. Победоносцевым на фронт цесаревичу Александру III: «Ошибки упорные, повторяющиеся изо дня в день, теперь на устах у всех и каждого. Приезжающие из армии не находят слов выразить горечь и негодование свое на бессмысленность планов и распоряжений... Это грозит в будущем великой бедой целой России, если все остается в армии по-прежнему...» [7, с. 121].

Участвуя в боевых действиях, постоянно находясь на боевых позициях, В. В. Верещагин высоко оценивает качество инженерной подготовки турецких войск: «Что касается самой техники защиты работ по укреплению редутов, то она оказалась выше нашей – все сделано солидно, не наскоро, не кое-как» [4, с. 108]. Решениями, принимаемыми нашим главным полевым штабом по организации боевых действий, «в значительной мере руководила поговорка: авось, небось да как-нибудь» [там же, с. 107]. Удручен был Верещагин невысоким уровнем военного искусства ряда наших военачальников. Беспокоила его и слабая материально-техническая оснащенность российской армии. По его мнению, турецкие «орудия и ружья, бесспорно, лучшие против наших, запасы снарядов для орудий и патронов для ружей прямо не истощимые» [там же, с. 108].

Низкий уровень подготовки подразделений связи, слабая организация разведки – все было в поле зрения Верещагина. Ряд военных неудач были следствием «недостатка и неверности донесений» [там же, с. 135]. Слабая организация медицинской службы, «отсутствие подлинной заботы о раненых в русско-турецкую войну» [8, с. 10] вызывали у Верещагина чувство боли и страдания. Самонадеянность и непредусмотрительность военных чиновников, отвечающих за организацию оказания помощи раненым, приводили к большим потерям. Верещагин описывает полевой лазарет, который посещал после штурма Плевны: «Число раненых было так велико, что превзошло все ожидания... Массы раненых по суткам оставались без перевязки и без пищи» [9, с. 61].

Серьезной проблемой для российской армии было неудовлетворительное снабжение воинских частей продовольствием, «которое перед войной было передано от интендантства в частные руки» [7, с. 91]. С началом боевых действий обнаружилось, что деятельность снабженцев оставляет желать лучшего. Они

постоянно опаздывали в подвозе продовольствия и фуража, которые к тому же были низкого качества. Запаздывание в подвозе продовольствия, так как «интендантство ничего... не заготовило» [4, с. 276], срывало передвижения войск и выполнение боевых задач. Снабжение вещевым имуществом осуществлялось также с опозданием: «Интендантство не успело заготовить солдатам полушубков, подоспевших лишь к тому времени, когда армия перешла Балканы и настала жара» [там же, с. 227].

В своих литературных произведениях В. В. Верещагин отказывается от идеализированной оценки «братьев-славян», которая особенно была гипертрофирована накануне русско-турецкой войны. В первую очередь это касается отношений между русскими и болгарскими. Именно они у него вызывали двойственные чувства. В ходе войны В. В. Верещагин видит весьма своеобразное противоречивое настроение и поведение болгарского населения, с которым он познакомился, направляясь из госпиталя в действующую армию. Он с удивлением отмечает, что болгары «относились с немалым недоумением и недоверием ко всему творящемуся» [там же, с. 98]. Одновременно он замечает, что у значительной части болгарского населения очень сильно протурецкое настроение. Имея информацию о душевных встречах болгарскими наших военных, Василий Васильевич был удручен достаточно сдержанным и даже холодным отношением с их стороны. Он отмечает: «По всей дороге мне странно было встретить столько сосредоточенности, сдержанности, прямо недоумения со стороны жителей; на ночлег пускали неохотно, получить корм себе и лошади было трудновато, после долгих просьб и торга» [там же, с. 150].

Негостеприимство болгарского населения позволило Верещагину изложить свою точку зрения по этой проблеме: «Представление наше о положении болгар перед войной было ошибочное. Если бы в высших школах наших преподавание велось не поверхностно, шаблонно..., а консульства наши, не строя из себя дипломатов, занимались собиранием сведений об экономическом положении народонаселения, то мы бы знали, что болгары живут несравненно зажиточнее русских» [там же]. Российские солдаты и офицеры, вступив на территорию Болгарии, «нашли всюду сравнительное довольство, благосостояние и чем дальше, тем больше чистоту, порядок в домах, особенно городских, полные житницы, закрома, набитые всяким добром!» [там же, с. 155].

Как наблюдательный человек, В. В. Верещагин излагает причины того, что «сладость освобождения от турецких чиновников-взяточников, вызвавшая первые восторги, тот час... сменились сдержанностью и недоверием» [там же]. Поведение российских

военнослужащих было тому виной: «Офицерские квартиры безукоризненной чистоты и опрятности – плюнуть негде, жаловались наши, – через несколько часов обращались в настоящие вертепы беспорядочности и грязи, все заплывалось, покрывалось обломками, объедками, окурками» [там же]. Но не только поведение в быту раздражало болгар. Не всегда, оказавшись в довольно трудных условиях, наши солдаты были чисты на руку. «Немало... было хлопот с жителями, жаловавшимися на обиды и несправедливости... наших солдатиков, нет-нет да и покушавшимися искать счастья в чужих домах» [там же, с. 320].

Как проникательный человек, Верещагин отмечает еще одно обстоятельство, вызывавшее у болгар определенное недоверие к русским. Большая часть болгарского населения была не уверена в том, что «на этот раз русские братушки доведут дело освобождения от господства турок до конца!» [там же, с. 156]. И на это у них были основания. Зачастую предшествующие войны заканчивались тем, что про болгар забывали в силу тех или иных причин, и турки с особой жестокостью вымещали «свое бессилие» перед русскими на болгарских семьях.

Поэтому, «несмотря на наши уверения в том, что турки на этот раз будут окончательно лишены власти над страной, болгары, особенно когда наши первые успехи сменились неудачами, побаивались, по старому опыту, что опять дело не дойдет до этого и им придется ограничиться реформами турецкого образца» [там же].

Находясь в действующей армии, В. В. Верещагин регулярно делал зарисовки, которые позволили ему создать Балканскую батальную серию-эпопею. По свидетельству очевидцев, Верещагина можно было в самых сложных условиях боевой обстановки увидеть сидящим на складном стуле и делающим наброски в альбом. Василий Иванович Немирович-Данченко, русский писатель, бывший в годы русско-турецкой войны военным корреспондентом, вспоминал: «Василий Васильевич до вечерней зари каждый день работал там, рисуя с натуры картины, полные нечеловеческого ужаса...» [8, с. 29].

Работы Верещагина-литератора и Верещагина-художника являются ценнейшим источником о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Балканская серия создавалась под впечатлением пережитого и увиденного художником. В письме к Льву Толстому от 4 марта 1879 г. В. В. Стасов, побывавший в мастерской Верещагина, говорит о замыслах художника: «Тут будут удивительные вещи, в том числе и картины многих безобразий на войне, нелепостей высшего начальства и всякой поганой военной аристократии, – все это рядом со всем чудесным, что делал русский народ под видом солдат и офицеров, – одним словом,

многое такое, что не могло появиться в печатном расказе» [10, с. 41].

Художник Верещагин изображал только то, что видел. Из всех картин Балканской батальной серии только две картины – «Победители» и «На Шипке все спокойно» – были написаны по воображению. Василий Васильевич Верещагин испытал все ужасы войны. Он подвергался многочисленным опасностям, принимал участие в атаках и боях. Все пережитое дало ему возможность написать картины, показавшие войну без прикрас, настоящей. Каждая его картина – это протест против войны. Живописец Верещагин, сочувствующий освободительной миссии русской армии, честно и объективно представляет будни войны. Все его картины пронизаны чувством уважения и преклонения перед простыми солдатами и офицерами российской армии, вынесшими на своих плечах все тяготы войны.

Война на картинах Верещагина – это тяжелый изнурительный труд, это ежедневные лишения, жертвы, это героические подвиги, мужество и героизм простых солдат, это горные переходы на пределе человеческих возможностей, это неподдающиеся пониманию и объяснению зверства турецких военнослужащих, это русские лазареты, не имеющие возможности осуществлять подлинную заботу об искалеченных воинах, это самопожертвования русских солдат, зимующих в снежных траншеях Шипкинского перевала, это самонадеянность, непредусмотрительность, халатность, бездарность ряда военачальников.

Одно из центральных мест занимает картина «Александр II под Плевной». Работа посвящена одному из трагических событий русско-турецкой войны – третьей попытке взять штурмом удерживающую турками крепость Плевна. Погодные условия были неблагоприятными, выбор даты штурма не имел «никакого отношения к военной обстановке» [7, с. 117]. В. В. Верещагин писал по этому поводу: «Моросил дождь, и глинистая почва до того размягчилась, что нельзя было ходить и по ровному месту – без преувеличения, на несколько вершков налипала земля к сапогам, – каково же было в этих условиях всходить на высоты, да еще для атаки, под огнем! Штурм, однако, не отложили, так как главнокомандующий был уверен, что значение именно этого дня, торжественно справляющего по всей России, – 30 августа, именины государя императора – поможет войскам преодолеть преграды и добиться цели – овладеть редутами. В таком именно смысле отнеслись к своим частям командующие генералы и предлагали им порадовать государя, подарить ему Плевну» [4, с. 112].

Царь вместе с главнокомандующим и штабом наблюдал за ходом штурма. Это нашло отражение в

картине художника Верещагина. Работа была написана Василием Васильевичем под личным его впечатлением. В ходе третьего штурма Плевны погиб его брат Сергей, а другой брат получил ранение. Неорганизованное, неподготовленное, плохо руководимое высшим командованием наступление дорого обошлось российским войскам, «потери были очень велики, 18 000 человек» [там же, с. 121].

Организаторы третьего штурма Плевны во главе с Александром II в самый решающий момент боя потеряли управление войсками. Руководствуясь ложной информацией, полученной от иностранного военного агента, они пришли к мысли «о необходимости оставить всякие дальнейшие попытки действовать открытою силою» [там же, с. 118]. Добившиеся успеха во время штурма воинские части под руководством генерала Скобелева не получили поддержки и были оставлены на произвол судьбы.

По мнению Верещагина, Скобелева не поддерживали, «во-первых, потому, что он был слишком молод и своими талантами, своею безоглядною храбростью многим мозолил глаза... Во-вторых, потому, что в главной квартире понятия не имели об успехах штурма 30 августа. Виноват, конечно, штаб, но, с другой стороны, виноваты и начальники частей: я свидетель того, что и главнокомандующий, и сам государь были плохо извещены об успехах и неудачах дня, точно будто боялись огорчить их» [там же, с. 119]. Военачальники, отвечавшие за штурм Плевны, в самый важный момент боя «опустили руки» [там же]. Увиденное Верещагиным произвело на него удручающее впечатление.

Побывав в Болгарии уже после войны, посетив окрестности Плевны, художник писал П. М. Третьякову: «Не могу выразить тяжесть впечатления, выносимого при объезде полей сражения в Болгарии, в особенности холмы, окружающие Плевну, давят воспоминаниями. Это сплошные массы крестов, памятников, еще крестов и крестов без конца. Везде валяются груды осколков гранат, кости солдат, забытых при погребении. Только на одной горе нет ни костей человеческих, ни кусков чугуна, зато до сих пор там валяются пробки и осколки бутылок шампанского, без шуток. Вот факт, который должен остановиться на себе, кажется, внимание художника, если он не мебельщик модный, а мало-мальски – философ» [5, с. 112].

В. В. Верещагин упоминает здесь возвышенность, с которой царь в день своих именин и главнокомандующий вместе со штабом наблюдали за штурмом Плевны, что позволило Л. М. Жемчужникову заметить: «Неизгладимый позор и грех лег на совесть императора за преступное дозволение штурмовать Плевну в день своих именин. Отбитый штурм кончился кровавым истреблением тысяч храбрецов в то

время, когда именинник со своими приближенными опустошили дюжины бутылок шампанского» [11, с. 199].

Потеря сорока процентов личного состава, участвовавшего в штурме Плевны, была страшной ценой за непрофессионализм людей, руководивших войсками, в том числе и главнокомандующего, и его штаба, да и самого императора. Это позволило художнику Верещагину во время заграничной выставки сопроводить «картину надписью "Царские именины"» [8, с. 33–34]. Картина «Александр II под Плевной» – это своеобразный укор и самодержцу, и главнокомандующему с его штабом, и полководцам, «по халатности и бездарности которых гибли солдаты» [2, с. 8]. Работа Верещагина была неоднозначно встречена современниками. Определенная часть недоброжелателей художника считали его работу антипатриотичной, клеветнической, направленной на подрыв престижа «государя в глазах народных масс» [1, с. 197].

Балканская батальная серия-эпопея В. В. Верещагина – это «переворот в искусстве, в батальной живописи» [2, с. 8]. Его работы были объективны, правдивы, они были им выстраданы. Верещагин представил современникам войну «со всеми ее ужасами и бедствиями» [там же, с. 10], как это мог сделать только непосредственный участник событий. «В жар, в лихорадку бросало меня, – говорил художник, – когда я смотрел на все это и когда писал потом мои картины; слезы набегают и теперь, когда вспоминаю эти сцены» [12, с. 298].

Подвиги российских солдат и офицеров нашли отражение в таких работах Верещагина, посвященных штурму Плевны, как «Перед атакой. Под Плевной», «Атака», «После атаки. Перевязочный пункт под Плевной». Эти работы показывали мужество, героизм российских воинов, несущих освобождение балканским народам зачастую ценой своей жизни.

Особое место занимают работы Верещагина «Победители» и «Побежденные». Обе работы посвящены бою под Телишем. Художник вспоминал: «Егеря должны были не допускать гарнизон Телиша до подачи помощи Горному Дубняку и в этих видах издали демонстрировать готовность к атаке. Вместо демонстрации полк пошел на приступ и на совершенно открытой местности, потеряв половину своего состава, отступил. ...Могло быть и то, что... место, назначенное полку, было недостаточно отдалено и излетные пули портили много народу, не стерпевшего и пошедшего на "ура!" Раненые наши были все прикончены, после же оказалось, что они были и прирезаны, и изуродованы: лишь только полк или, вернее, остатки полка егерей отошли, как турки вышли из укрепления и расправились по-своему» [там же, с. 147].

В работе «Побежденные. Панихида по убитым» «Верещагин кистью старался показать людям, что война – самая ужасная и нелепая вещь на свете... Огромный талант Верещагина особенно сильно проявился в такого рода картинах, где он пытается внушить людям необходимость мира... Он хотел показать людям трагедию и глупость войны» [13, с. 330].

Автор показывает бесчеловечную жестокость турок, свидетелем которой он стал. Верещагин был потрясен увиденным. Художник пишет: «Я съездил в Телиш, чтобы взглянуть на то место, где пали наши егеря. Отклонившись от шоссе влево, я выехал на ровное место, покрытое высокой, сухой травой, в которой на первый взгляд ничего не было видно. Погода была закрытая, пасмурная, неприветливая, и на темном фоне туч две фигуры, ясно вырисовывающиеся, привлекли мое внимание: то были священник и причетник из солдат, совершавшие панихиду... Только подойдя совсем близко, я разобрал, по ком совершалась панихида: в траве виднелось несколько голов наших солдат, очевидно, отрезанных турками; они валялись в беспорядке, загрязненные, но еще с зияющими отрезами на шеях. Когда служба кончилась... батюшка и причетник обратили мое внимание на множество бугорков, разбросанных вокруг нас; из каждого торчали головы, руки и чаще всего ноги, около которых возились голодные собаки... Видно было, что тела были наскоро забросаны землей, только чтобы скрыть следы» [12, с. 151–152].

Художник стал инициатором похорон геройски погибших гвардейцев. Прибыв на следующий день на поле боя, Верещагин еще раз «восстановил с ужасающей точностью, с эпическим реализмом истинный образ войны: кровь..., наглую гнусность резни» [14, с. 311]. Перед ним предстала «довольно полная картина турецкого зверства... Тут можно было видеть, с какою утонченною жестокостью потешались турки, кромсая тела на все лады. Из спин и бедер были вырезаны ремни, на ребрах вынуты целые куски кожи, а на груди тела были обуглены иногда от разведенного огня. Некоторые выдающиеся части тела были отрезаны и всунуты во рты, носы сбиты на сторону или сплющены, а у солдат, имевших на погонах отметку за хорошую стрельбу, были высечены крестообразные насечки на лбах» [4, с. 189].

После создания картины Василию Васильевичу пришлось выдержать серьезные обвинения со стороны своих недоброжелателей в несправедности изображенного. Верещагин писал: «Картина, которую я писал со слезами на глазах, была... объявлена в высших сферах продуктом моего воображения, явной ложью» [1, с. 197]. Правдивость изображенного оказывала сильное впечатление на современников. При этом художник отмечал: «Я написал... картину этой панихиды, каюсь, в значительно смягченных красках,

и чего-чего не переслышал за нее! И шарлатанство это, и самооплевывание, и историческая неправда» [4, с. 190].

Художника обвиняли даже в том, что панихида невозможна без присутствия товарищей. Верещагин отмечал: «Сам главнокомандующий оправдал отсутствие их тем, что оставшаяся в живых часть полка нарочно не была приведена на панихиду и погребение из-за общего нервного состояния людей» [там же]. Все обвинения против художника были отвергнуты «тем самым священником, который будучи возмущен обвинениями... громогласно заявил в присутствии публики, стоящей перед картиною, что он, именно он, совершил этот последний обряд над трупами убитых там солдат, и обстановка была совершенно та, какая изображена на моей картине» [1, с. 197].

Картина «Победители» отличалась от всех картин Балканской серии тем, что Верещагин написал ее по воображению. На ней изображены мародерствующие и веселящиеся на поле битвы турецкие солдаты. Дикая жестокость турок на фоне обезглавленных трупов русских солдат вызывает чувство гнева и возмущения. Художник «сумел силой своих художественных образов обнажить, показать массам и обличить» [2, с. 11] трагизм, жестокость такого социального явления на войне. При этом художник подчеркивал: «Меня много раз укоряли в подыскивании страшных, отталкивающих сюжетов для моих картин, – но я не решился изобразить и десятой доли виденных ужасов, часто просившихся на полотно и по сюжету, и по живописной обстановке» [4, с. 215].

После взятия Плевны русскими войсками Верещагин отбывает на Шипку. Художник стал свидетелем зимнего периода войны. «Пятимесячная оборона Шипкинского гонного прохода вошла в историю как блестящий пример героизма, стойкости и выносливости русского солдата, обеспечившего России победу, несмотря на отсталость ее военной техники и бездарность царского командования. На суровых заоблачных высотах Шипкинского перевала русские солдаты, фактически брошенные главным командованием на произвол судьбы, решили исход войны. Они не позволили соединиться турецким армиям и удержали в своих руках ворота на юг, до того момента, когда эти ворота потребовались для наступления» [15, с. 60–61].

Увиденные невероятные трудности боевой и бытовой обстановки позволили Верещагину создать картины, в которых нашло отражение героическая Шипкинская эпопея: «Землянки на Шипке», «Снежная траншея на Шипке», «Батарей на Шипке», «На Шипке все спокойно», «Могилы на Шипке». Все эти картины – гимн мужественной стойкости русских солдат в перенесении тягот войны.

Особое место среди работ Верещагина, отображающих зимний период войны, занимает триптих «На Шипке все спокойно», «последовательно изображающий трагическую судьбу русского солдата-часового, замерзшего на посту» [9, с. 67]. Художник обличает преступную беспечность царских военачальников, в первую очередь генерала Радецкого, жившего недалеко от передовых позиций и не проявлявшего никакого интереса к бытовым условиям своих солдат. С утра до вечера играя в карты, он рапортовал вышестоящему начальству «о полном благополучии вверенного ему войска» [8, с. 35], используя фразу «На Шипке все спокойно».

Пренебрежительное отношение к нуждам солдат привело к страшной трагедии – «герои шипкинской обороны замерзали на своих постах, заносимые вьюгой, но не сдавались» [7, с. 140]. На Шипке практически полностью вымерзла 24-я дивизия. Художник отмечал: «Каждый день солдаты падали десятками от турецких пуль и сотнями от мороза. Полки уменьшились до невероятной цифры» [9, с. 67]. При этом Верещагин подчеркивает, это могло бы не произойти, если бы «винт не отнимал всего времени у командовавшего войсками» [4, с. 135]. Картина Верещагина «На Шипке все спокойно», полная драматического звучания, беспощадна к тем военачальникам, кто бросал своих подчиненных «на произвол судьбы в эгоистических, корыстных целях или по преступной беспечности» [8, с. 11].

Завершает Шипкинский цикл работа Верещагина «Шипка – Шейново. Скобелев под Шипкой». Картина посвящена смотру войск после одержанной над турками победы, который производил генерал Скобелев. Верещагин вспоминал: «Мы выехали из дубовой рощи, закрывавшей деревню. Войска стояли левым флангом к горе св. Николая, фронтом к Шейнову. Скобелев вдруг дал шпоры лошади и понесся, что мы едва могли поспевать за ним. Высоко подняв над головой фуражку, он закричал своим звонким голосом: «Именем отечества, именем государя, спасибо, братцы!» Слезы были у него на глазах. Трудно передать словами восторг солдат: все шапки полетели вверх и опять, все выше и выше...» [16, с. 217]. Но картина эта контрастна. Передний план картины заполнен трупами погибших солдат. Эта картина – гимн мужеству и отваге русского солдата, с одной стороны, и скорбь по солдатам, отдавшим свои жизни за блистательную победу.

Особняком в Балканской серии стоят два впечатляющих полотна – «Дорога военнопленных» и «Привал военнопленных». Являясь свидетелем безумной жестокости турок, Верещагин создает картины, проникнутые сочувствием к поверженным и обреченным на гибель врагам. Художник воспроизводит страдания

пленных турок, в суровых зимних условиях движущихся от Плевны к Дунаю, и сотни умирающих. Эти картины показывают благородство души В. В. Верещагина. Художник дает русскому обществу полотна «настоящей неподдельной войны».

Картины Балканской серии В. В. Верещагина по достоинству оценил один из участников русско-турецкой войны: «В великолепной кисти этого художника мы привыкли видеть великую правду, часто доходящую до суровой строгости» [9, с. 71]. Но русская пресса в лице журнала «Нива» была обеспокоена, что «этот русский молодец, этот высокоразвитый художник, сам так доблестно участвовавший в русско-турецкой войне, вместо того чтобы почтить доблесть и беззаветную верность долгу... безвестных героев, изобразил обратную сторону войны» [там же, с. 74].

Являясь участником войны, В. В. Верещагин хорошо понимал, что она для солдата – это прежде всего боль, страдания, трудности, лишения. Именно поэтому его картины показывают не лихие атаки и победоносные штурмы, а суровую действительность войны. Работы художника В. В. Верещагина, отличающиеся «суровой правдивостью и глубокой содержательностью» [там же, с. 77], являются особо ценным источником по истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в совокупности с его глубокими и интересными литературными произведениями. В. В. Верещагин через литературные и живописные произведения показывает эту войну такой, какой он ее видел – с победами и поражениями русского оружия, с трагедиями, мужеством и героизмом российских воинов. Его работы «содержат в себе мучительную реальность и высокую философию» [там же].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верещагин В. В.* Повести. Очерки. Воспоминания / В. В. Верещагин ; сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Кошелева и А. В. Чернова. – М. : Сов. Россия, 1990. – 356 с.
2. *Верещагин В. В.* Воспоминания сына художника / В. В. Верещагин. – Л. : Художник РСФСР, 1978. – 182 с.
3. *Лебедев А. К.* В. В. Верещагин / А. Н. Лебедев. – М. : Искусство, 1953. – 51 с.
4. *Верещагин В. В.* Скобелев. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в воспоминаниях В. В. Верещагина / В. В. Верещагин. – М. : ДАРЬ, 2007. – 496 с.
5. *Верещагин В. В.* Избранные письма / В. В. Верещагин ; сост., авт. предисл. и примеч. А. К. Лебедев. – М. : Изобразительное искусство, 1981. – 320 с.
6. *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений : в 22 т. / Л. Н. Толстой. – М., 1984. – Т. 19–20. – 789 с.
7. *Фортунатов П. К.* Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии / П. К. Фортунатов. – М. : Учпедгиз, 1950. – 180 с.

8. *Лебедев А. К.* Василий Васильевич Верещагин / А. К. Лебедев. – М. : Советский художник, 1965. – 14 с.

9. *Садовень В. В.* Верещагин / В. В. Садовень. – М., 1950. – 114 с.

10. *Толстой Л. Н.* Переписка 1878–1906 гг. / Л. Н. Толстой, В. В. Стасов ; ред. и примеч. В. Д. Комаровой и Б. Л. Модзалевского. – М. : Прибой, 1929. – 492 с.

11. *Жемчужников Л. М.* Мои воспоминания из прошлого / Л. М. Жемчужников. – Л. ; М., 1971. – 448 с.

12. *Верещагин В. В.* На войне : воспоминание о русско-турецкой войне 1877 г. художника В. В. Верещагина / В. В. Верещагин. – М. : Издание т-ва И. Д. Сытина ; Типография т-ва Сытина, 1902. – 316 с.

13. *Шифман А. И.* Лев Толстой и Восток / А. И. Шифман ; АН СССР. Ин-т востоковедения ; ред. Т. А. Мотылева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1971. – 552 с.

14. Литературное наследство. Из парижского архива И. С. Тургенева. Неизвестные произведения И. С. Тургенева / ред. И. И. Анисимов (глав. ред.), Д. Д. Благой, А. С. Бушмин. – М. : Наука, 1964. – Т. 73 : в 2 кн. – Кн. 1. – 581 с.

15. *Герасимов Е.* Русские на Шипке / Е. Герасимов. – М. : Воениздат, 1941. – 126 с.

16. На войне в Азии и Европе. Воспоминания художника В. В. Верещагина. – М. : Кучково поле, 1994. – 320 с.

Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета

Муминова Е. М., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-гуманитарных наук

E-mail: muminovava@bsk.vsu.ru

Tel.: 8-950-760-08-19

*The Borisoglebsk Branch of Voronezh State University
Muminova E. M., Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the History and Social and
Humanitarian Sciences Department*

E-mail: muminovava@bsk.vsu.ru

Tel.: 8-950-760-08-19